

Глава 494: Остатки чая сокрушают багровое одеяние

Из глубин пространства между ее бровями появилось намерение жестокости.

В тихом Саду Сотни Растений появилась несравненно ужасающая и деспотическая сила.

Чэнь Чаншэн уставился на ее лицо, ощущая это жестокое намерение, возникшее между ее бровей, и море гнетущей силы вокруг него. Он подсознательно прекратил сопротивляться, смутно ощущая, что что-то произошло.

Она смотрела ему в глаза. Может быть, проблема была между его глаз?

Нет, глаза были окном души.

Через его глаза она смотрела в его море сознания.

Она не могла видеть, о чем он думал, но могла отчетливо ощущать то духовное чувство, которое вовсе не принадлежало юноше.

Эта нить духовного чувства была невероятно неразборчивой, но экстраординарно упорной. Более того, она была невероятно хитрой, скрываясь в глубочайших частях моря сознания Чэнь Чаншэна, тихо располагаясь на дне моря с камнями, сформированных из подсознательных мыслей, и ее было очень трудно отличить от окружения. Не говоря уже о Чэнь Чаншэне, если бы она вдруг не решила изучать Чэнь Чаншэна, найти что-то в его лице и глазах, чтобы доказать или опровергнуть свои подозрения... если бы она не изучала его с такой внимательностью, она тоже не смогла бы обнаружить невероятно тонкую нить духовного чувства.

«Кто настолько дерзкий, что посмел действовать против него?»

Пока она смотрела на духовное чувство в глубинах моря сознания Чэнь Чаншэна, она холодно фыркнула.

Вместе с этим звуком нить ее духовного чувства проникла в море сознания Чэнь Чаншэна. Конечно же, это была лишь невероятно крохотная часть ее полного духовного чувства. С силой ее духовного чувства, в тот миг, когда она проникла бы в море сознания Чэнь Чаншэна, она могла заставить его голову взорваться.

Хоть это и была крохотная часть, в тот миг, когда ее духовное чувство проникло внутрь, море сознания Чэнь Чаншэна было в миг охвачено бушующей бурей. Бесчисленные бушующие и многие волны непрерывно поднимались из моря и без конца пенились. Даже глубочайшие части моря ощутили эффекты бури.

Эта нить духовного чувства в море сознания Чэнь Чаншэна скрывала себя в течение долгого времени, но наконец-то нашла невозможным продолжать это действо. В сопровождении могучего потока из глубин моря все море вмиг покраснело.

Невероятно ужасающий кровавый запах окрасил мир.

Море сознания Чэнь Чаншэна, как казалось, стало морем крови.

В тот миг, когда она явила себя, эта скрытая нить духовного чувства была действительно могущественной. Можно было представить, что если бы ее не обнаружили и владелец этого

духовного чувства решил убить Чэнь Чаншэна в один день, это было бы невероятно простым делом!

Даже сейчас эта нить духовного чувства все еще хотела убить Чэнь Чаншэна.

Чэнь Чаншэн все еще ничего не знал. Его море сознания уже было окутано бесчисленными бурями, кровь под яростными бурями постепенно близилась к горизонту. Но он совсем не знал об этом. Он лишь чувствовал себя немного рассеянным.

К счастью, она сидела напротив него. В конечном итоге, как Чэнь Чаншэн, так и тот человек, были ее делом. Она не позволит другому коснуться его, даже если человек, действовавший против Чэнь Чаншэна, был собакой, которую она сама вырастила.

Да, в тот миг, когда нить духовного чувства поднялась со дна моря, она поняла, кто поместил ее в море сознания Чэнь Чаншэна. Запах крови был слишком отчетливым, слишком острым.

Она вытянула руку и опустила ее в чашку чая.

Чэнь Чаншэну в его полубессознательном состоянии показалось, как будто он вернулся в прошлое. В то время она тоже опустила руку в чай, чтобы написать слово 'лед' на столе и помочь ему найти Новый Северный Мост и Черную Драконицу.

Но в этот раз она не писала слово.

Капля чая упала между бровей Чэнь Чаншэна после ее взмаха пальцем.

Капля чая с шипением превратилась в облачко пара и исчезла.

Чэнь Чаншэн лишь почувствовал жужжание в своем море сознания, а затем потерял сознание.

.....

.....

В тот миг, когда капля чая пала между бровей Чэнь Чаншэна, в том поместье в главной аллее Северного Военного Департамента чашка чая упала на пол и раскололась.

Руки Чжоу Туна замерли в воздухе, а его внешний вид был крайне бледным. Казалось, как будто он подхватил какую-то серьезную болезнь в очень короткий период времени. Затем его пальцы начали дрожать, все его тело начало дрожать. Из-за этой дрожи багровое одеяние служащего начало выкручиваться и казалось похожим на море крови, над которым пронесся ветер.

Лишь мгновением назад он сделал глоток из чашечки хорошего черного чая и поставил ее, чтобы она достигла подходящей температуры. Он только что был готов поднести ее к своему рту и сделать глоток, когда сильная боль вдруг прошла через его море сознания, застав его врасплох.

Эта боль была настолько настоящей, что казалось, как будто кто-то пронзил глубины его мозга ржавым ножом. Даже он нашел невозможным вытерпеть такую боль. Его пальцы ослабли, из-за чего чашка рухнула на пол.

И лишь он, кто полжизни взаимодействовал с болью, смог сесть на стул. Хотя его лицо было бледным, а все его тело дрожало, как будто он пострадал от какой-то ужасной болезни, он не

потерял сознание.

В тот миг, когда боль расцвела в его море сознания, Чжоу Тун знал, что что-то случилось.

В тот день во дворе, когда яблоня расцветала, он позаимствовал коварное давление Тюрьмы Чжоу и, не колеблясь, израсходовал свою сердечную кровь, чтобы использовать технику для скрытия нити духовного чувства в море сознания Чэнь Чаншэна.

Великая Багровая Мантия была достойна называться самой странной из техник ментальных атак. Он смог бесшумно совершить это деяние. Ни Чэнь Чаншэн, ни Танг Тридцать Шесть не смогли почувствовать этого.

Однако, даже у самой сильной ментальной атаки в конечном счете был определенный предел. Великая Багровая Мантия Чжоу Туна не могла позволить ему знать, что происходило в море сознания Чэнь Чаншэна в каждый момент. Она была больше похожа на шпиона, скрытого в траве в тылу рядов врага. Она записывала все, что видела, а затем, когда Чжоу Тун отзовет ее в будущем, он сможет узнать всё и всех, кого Чэнь Чаншэн встречал за последние несколько дней.

Конечно же, эта нить духовного чувства, которая была подобна рейнджеру, в определенных особых случаях также могла проникнуть в лагерь врага и совершить суицидальную атаку против генерала.

Это тоже была техника, которую Чжоу Тун подготовил заранее. Он желал контролировать жизнь и смерть Чэнь Чаншэна одной мыслью.

Но вопреки его ожиданиям эта его нить духовного чувства была обнаружена, а затем была полностью уничтожена!

Уничтожение духовного чувства вызвало отдачу в его море сознания, заставив его пострадать от невероятно серьезных ранений.

Кто? Кто смог обнаружить ту нить духовного чувства, которую он спрятал в глубинах моря сознания Чэнь Чаншэна? И кто обладал такой божественной силой, чтобы так просто расколоть его Великую Багровую Мантию?

Лицо Чжоу Туна было мертвенно бледным, а его глаза стали окровавленными. Он в шоке и недоумении подумал с холодом в сердце: мог ли это быть Поп?

Было очень мало людей в мире, которые смогли бы увидеть тайны его Великой Багровой Мантии насквозь. Была лишь горстка таких людей в столицу, и, совершенно верно, Поп был среди них. Только вот он специально приложил усилия, чтобы скрыть эту технику от Попа, так как Поп смог увидеть ее насквозь?

.....

.....

Чэнь Чаншэн очнулся и осознал, что спал на каменном столе.

Он поднял голову и увидел, что женщина средних лет уже ушла. Чайник и чашки тоже исчезли без следа, как и Черная Коза. Темный лес Сада Сотни Растений все еще был прекрасным и уединенным, и оживленный стрекот насекомых раздавался со всех сторон.

Это место было прекрасным, как земля снов, и ему показалось, что он действительно спал мгновение назад.

Он не встречал ту женщину средних лет у пруда, не следовал за ней в Сад Сотни Растений, и не сидел напротив нее за чаепитием.

Он ненароком потерял пространство между бровей и осознал, что это место было немного влажным и холодным.

Он убрал свой палец и взглянул на него, но было невозможно сказать, действительно ли эта жидкость была той каплей чая.

Но это влажное и холодное чувство казалось особенно хорошим. Через его лоб оно проникало в его разум, заставив его почувствовать себя свежее и прохладнее.

Он по какой-то причине чувствовал себя намного более расслабленным, а также его разум прояснился. Казалось, как будто кто-то ополоснул его изнутри, не оставив и частички грязи позади.

.....

.....

Пока он проделывал путь обратно к Ортодоксальной Академии из Сада Сотни Растений, Чэнь Чаншэн вспоминал, что только что произошло. С некоторым беспокойством он начал Интроспективную Медитацию под большим баньяном, но не нашел ничего странного. Его Неземной Дворец, море сознания и меридианы были в обычном состоянии. Поврежденные меридианы все еще были заблокированы, его истинная эссенция не была израсходована, его духовное чувство не стало сильнее. Но... казалось, что присутствовал дополнительный вид ци.

Если его духовное чувство однажды можно было описать настолько спокойным, как вода, и тяжелым, как гора, сейчас можно было сказать, что оно было омыто весенним дождем. Поверхность воды казалась намного более гибкой, а гора, как казалось, стала более влажной.

Было ли это изменение принесено той одной каплей чая? Чэнь Чаншэн не знал и не понимал. Он в течение некоторого времени сидел у озера в ступоре, пока наконец-то не встал.

Вернувшись в дом, он, как обычно, отправился в комнату Чжэсю. Вонзить иглы в шею, направить легкий толчок истинной эссенции, помочь лекарствам распространиться - это были его методы лечения болезней.

После стольких дней лечения в паре с лекарствами, запрошенными из Дворца Ли или украденными из Сада Сотни Растений, состояние Чжэсю значительно улучшилось. Много дней назад ему потребовалась поддержка, чтобы пройти несколько шагов. Однако, он все еще проводил бесчисленные часы на кровати, даже не поворачиваясь, если это не было абсолютно необходимо. Сюаньюань По однажды указал свое замешательство относительно этого, но лишь Чэнь Чаншэн знал причину этого.

Темный период Чжэсю в Тюрьме Чжоу оставил слишком много ран на его теле. Эти раны, как казалось, постепенно проходили на поверхности, но боль все еще оставалась в его теле.

Рана была болью, и фразу 'боль от ранения' было невозможно отделить. Если Чжэсю двигался, он был поражен ужасающей болью, настолько, что даже этот юноша-волк, известный за свою

силу воли, считал, что лучше было неподвижно лежать в его кровати в такой бесполезной манере (прим.пер. 'Боль от ран' - это одна фраза на китайском, 傷. 傷 значит 'раны', а 痛 значит 'боль').

Чэнь Чаншэн знал, в какой боли был Чжэсю, так что он не считал, что Чжэсю был бесполезным. Наоборот, каждый раз, когда он видел невыразительно лицо Чжэсю, он всегда в восхищении вздыхал при виде навыка Чжэсю держаться до сих пор без единой слезы.

«После того, как твои меридианы будут исцелены, мы можем пригласить священников Тринадцати Отделений Зеленого Сияния, чтобы использовать технику Священного Света».

Чэнь Чаншэн утешающе говорил это, пока удалял иглы из тела Чжэсю.

Вдруг его пальцы остановились. В это время его большой и указательный пальцы держали последнюю иглу на шее Чжэсю.

Он очень хорошо осознавал, что под этой иглой был меридиан, важный как для людей, так и для оборотней, достигающий от Неземного Дворца непосредственно к нижнему краю моря сознания.

Когда Чжэсю был пленен в Тюрьме Чжоу, первое, что Чжоу Тун сделал, это использовал какой-то тайный метод, чтобы рассечь этот меридиан и покалечить культивацию Чжэсю.

Этот меридиан был слишком важным и слишком чувствительным. Не говоря уже о касании к нему, даже мягко коснуться его духовным чувством заставило бы человека почувствовать себя некомфортно. Если же его коснуться, эта боль... Чэнь Чаншэн лишь мог представлять ее. Из всех людей, которых он знал, лишь Чжэсю держался, так что, когда он помещал туда иглу, он всегда действовал с особенной заботой и осторожностью.

Он отчетливо понимал, что этот меридиан нельзя было восстановить с помощью внешней силы, и лишь время могло помочь. Как результат, он никогда не давал Чжэсю времени на полное восстановление и даже подготовил себя к тому факту, что это может потребовать три года или даже больше. Но, когда он собирался вынуть иглу, он вдруг почувствовал слабую вибрацию, исходящую снизу от иглы.